

А. С. ПИСАРЕНКО

Писаренко Алексей Сергеевич
Лаборант мастерской эмали
и миниатюры Академии
акварели и изящных искусств
Сергея Андрияки

117133, Москва,
ул. Академика Варги, д. 15
Адрес электронной почты:
red-square@mail.ru

Pisarenko Aleksey Sergeyevich
Research Assistant,
Enamel and Miniature Painting
Studio, Sergey Andriaka Academy
of Watercolor and Fine Arts

15 Ul. Akademika Vargi,
Moscow 117133
E-mail: red-square@mail.ru

СЕРИЯ ОФОРТОВ «ХРАМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В КРОХИНЕ»

К теме дипломной работы я пришел естественным путем. Она возникла еще до того, как было решено воплотить ее в технике офорта. Долгое время со своими многочисленными единомышленниками я занимался защитой культурного наследия, в частности, спасением памятников архитектуры. Десятки сотен гибнущих и разоренных усадеб, брошенных сел и оставленных храмов раскиданы по европейской части страны. Для меня самым притягательным стал этот храм, церковь Рождества Христова в Крохине.

Некогда это был безуездный город на берегу реки Шексны, динамичный, торговый. К XIX в. всю деловую активность перетянул на себя Белозерск, располагавшийся в 15 км западнее, на берегу Белого озера. К середине XX в. Крохино оставалось еще крупным селом. По обе стороны реки стояли храмы, которые «воротами» отмечали начало вытекающей из Белого озера Шексны, встречали звоном караваны судов. При создании в 1960-е годы Шекснинского водохранилища, ставшего частью Волго-Балтийского водного пути, были затоплены земли около Белого озера и Шексны, которая разлилась на десятки километров и поглотила все ближайшие села. Под воду ушел и бывший город Крохино. Все, что попадало в зону затопления, уничтожили: дома сожгли, храмы взорвали, часть изб жители перевезли с собой в Белозерск или близлежащее село Каргулино. Эти дома заметны и по сей день: они стоят с пронумерованными венцами, как напоминание о том, что перевезены.

Крохинский храм, построенный в 1788 г., служивший при советской власти коровником, а потом моторно-тракторной станцией, оставили в качестве маяка. Он простоял так практически до середины 1990-х, а затем начал быстро разрушаться. Сил устоять против штор-

мов Белого озера и волн, которые поднимали проходящие вплотную к его стенам суда, хватило у него на тридцать с небольшим лет. Фундамент церкви стал сползать в фарватер. Сначала обрушились апсиды, затем рассыпались южная стена и стена трапезной, через какое-то время просел и упал купол с восьмериком, а за ним и остатки восточной стены. В таком состоянии я увидел этот храм в 2011 г.

К нему было во всех смыслах сложно подобраться. Он стоит на воде, в паре километров от паромной переправы через Шексну по дороге из Белозерска на Липин Бор. Это ближайшая точка на земле, откуда можно видеть белый силуэт храма, возвышающийся над зеркалом воды у самого фарватера. Когда наконец мы высадились у его стен, погруженных в северные воды, нас поразили его стойкость и спокойствие, как будто не мы приехали как спасатели, а он превратился в нашего помощника. Для тех, кто добрался сюда, это место стало родным.

Постоянно навещая туда на протяжении четырех лет, я сделал большое количество рисунков, этюдов, по которым написал несколько акварелей (некоторые из них попали в фонды Академии акварели и изящных искусств). Однако этого оказалось недостаточно, чтобы выразить образ храма, который бы символизировал судьбу Русского Севера и страны в целом.

В какой-то момент я понял, что не смогу воплотить тему емко и сильно в акварели, и решил отказаться от цвета и реалистической манеры исполнения, чтобы сосредоточить все внимание на образах. Ощущения, которые возникают на острове, удалось выразить в офортном оттиске. Тут и дуновение ветра, и плеск воды, и тишина на сотни километров... И невероятное сопротивление всем стихиям, проталкиваемым по нашей земле.

А. С. Писаренко. Снег. 2018 г. Бум., офорт. 41,5x49,5 см.

Я занимался офортом еще в Школе акварели Сергея Андрияки, так что эта техника мне была знакома и, на мой взгляд, позволяла передать гораздо больше смыслов на разных уровнях восприятия. К тому же сюжет диктовал мне именно такое средство выражения. Офорт всегда предполагает диалог художника с материалом, возможности которого ограничены четкими и очень узкими рамками, вынуждающими добиваться наилучшего результата. Часто материал подсказывает решения. В этом смысле работа над офортом напоминает эмальерную живопись: здесь итог иногда более чем наполовину зависит от воздействия огня, кислоты и присутствия при создании произведения чего-то неуловимого, когда художник становится лишь дирижером всего процесса, до конца не понимая его.

Для воспроизведения неосязаемых и ускользающих образов, которые были прочно связаны с клочком суши посреди воды и топей, я решил прибегнуть к технике офорта.

Моим дипломным руководителем стал Алексей Борисович Попов, во многом определивший методы и приемы достижения поставленной задачи. К счастью, и места на

Шексне были ему хорошо знакомы: еще в студенческие годы Алексей Борисович объездил эти края и посвятил серию работ Белому озеру и Вологодчине в целом.

На протяжении четырех лет создавалась серия из пяти досок прямоугольного (приближающегося к квадратному) формата, который мы поворачивали то вертикально, то горизонтально. Благодаря этому достигалась целостная композиция всех листов, возможность экспонировать оттиски в разной последовательности и разным количестве. В результате на стене возникала «абстрактная композиция» из одинаковых прямоугольников, а при экспонировании листов в один ряд – ассоциация с дергающимися кадрами кинохроники.

В итоге получился рассказ, в котором храм как главное действующее лицо предстает в разных образах. За исключением одной доски, он везде изображен в виде крупных фрагментов, чтобы в каждом оттиске зрителю бросилась в глаза главная деталь и захотелось узнать, каков же он на самом деле. И лишь одна доска показывает храм Рождества Христова в Крохине во весь рост.